При использовании материалов статьи необходимо использовать данную ссылку:
Злыднев М.И. Регулирование деятельности цифровых платформ по обеспечению контрактации // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2021. № 2 (60). С. 102-107

УДК 004

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНТРАКТАЦИИ

Злыднев М.И.

В работе рассмотрены проблемы регулирования деятельности цифровых платформ по обеспечению контрактации. Выявлены информационные и административные формы обеспечения контрактов. Проанализировано современное правовое регулирование деятельности цифровых платформ и перспективы его развития. Автором отмечается, что информационная интеграция единого пространства контрактации решает проблемы с поиском оптимальных партнеров, резко снижая соответствующие трансакционные издержки. Однако для снижения трансакционных издержек, связанных с защитой от оппортунизма, необходимо дополнение информационных мер организационно-управленческими, нацеленными на защиту контрактов, включая соответствующие изменения нормативно-правового регулирования. Сделан вывод о том, что специальное правовое регулирование, учитывающие такие современные технологии, как блокчейн, смарт-контракты и рикардианские контракты, не выработано.

Ключевые слова: интернет-платформа, блокчейн, смарт-контракт, институт

Согласно проведенному исследованию, представляется целесообразным ввести в научный оборот особую классификацию гибридных институтов обеспечения взаимодействия экономических агентов, использующую адаптацию идей Э. Остром относительно форм институциональных высказываний, определяющих специфику институтов. В работе «Грамматика институтов» [1] Остром разделила институциональные высказывания на три формы: конвенции, нормы и правила. Конвенции описывают типы поведения (по формуле «если... то надо поступить так-то», гипотеза и диспозиция), считающиеся правильными в данной ситуации по причине удобства единообразия практики, которые, однако, никем не контролируются. Нормы к высказыванию «если... то» (гипотеза и диспозиция) добавляют элемент «иначе», который в данном случае выражается в моральном/репутационном неодобрении со стороны других участников взаимодействия. Остром именует данную разновидность санкции «моральной дельтой», однако в русском языке более понятно будет использовать термин «репутационная разница». которая может быть как положительной (увеличивающей деловую репутацию экономического агента в случае выбора одобряемой сообществом модели поведения), либо отрицательной (ухудшающей деловую репутацию в случае проявления оппортунизма, поставки некачественных благ и других видов неодобряемого поведения). Наконец, третья форма институциональных высказываний – «правила» - согласно Остром, по структуре (гипотеза-диспозиция-санкция, или «если... надо сделать так-то, иначе...) схожа с нормой, однако, если в случае «нормы» санкция исключительно репутационная и складывается из изменения мнения об экономическом агенте со стороны других экономических агентов, то в случае «правила» санкция является материальной и накладывается особой инстанцией, имеющей для этого специальное полномочие. В разных ситуациях данной

Злыднев Михаил Иванович, кандидат экономических наук, соискатель, ФГУП «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» (ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ»)
Москва

инстанцией может быть суд, третейский суд, иная арбитражная инстанция в рамках гибридной формы регуляции.

Таким образом, синтез теории гибридной экономической регуляции Уильямсона и классификации институциональных высказываний Остром позволил разработать и ввести в научный оборот особую классификацию институтов обеспечения взаимодействий экономических агентов, включая электронные платформы. Для обеспечения функционирования механизмов норм в рамках взаимодействия экономических агентов необходимо распространение информации об их деятельности. Сюда можно отнести как априорную (по отношению к конкретной трансакции) информацию об экономических агентах (их опыте, деловой репутации, потенциале) и качестве предлагаемых ими благ, так и апостериорную информацию (по факту совершения сделки). При этом предлагается выделить несколько градаций достоверности информации: информация, полученная от самого экономического агента или же открытых источников, не верифицирующих информацию; информация, получившая подтверждение от третьей стороны; информация, подтвержденная государством. Данный аспект регулирования взаимодействий экономических агентов предлагается назвать информационным.

Второй аспект деятельности институтов по регуляции взаимодействий экономических агентов, связанный с принудительным наложением санкций, предлагается назвать административным (в изначальном лат. понимании administratio как управление, руководство). Выделены несколько возможных вариантов административной защиты контрактации:

Защищается достоверность информации за счет регулирования доступа к сервису – в данном случае при обнаружении недостоверной информации, полученной от экономического агента, данный агент исключается из информационной системы гибридного института регулирования (расторгается договор обслуживания, производится техническая блокировка, отзывается выданный сертификат качества, агент исключается из реестра и т.д.).

Защищаются заключенные контракты с помощью администрирования гибридного посредника или третейских судов – в данном случае гибридный посредник может самостоятельно налагать санкции на стороны сделки, если такое предусмотрено правилами его функционирования, или же этими правилами предусматривается договорная подсудность в третейском суде. Если же гибридная форма обеспечения контрактации является горизонтальной (например, альянс фирм), решение может приниматься в порядке механизмов саморегулирования.

Защищаются заключенные контракты с помощью гражданской ответственности структуры, обеспечившей сделку.

Как показывают исследования, отношения электронных структур обеспечения контрактации с экономическими агентами могут быть построены в различных формах:

- «модели представительства (предполагает использование договора поручения, в том числе в отношениях как с потребителями, так и с производителями);

- модели комиссии (соответственно, реализуется через использование договора комиссии (в том числе двойной комиссии), т.е. при совершении сделок агрегатор действует от собственного имени);

- модели передачи товаров, выполнения работ, оказания услуг (в этом случае услуга бизнес-агрегатора может состоять в подборе нужного производителя, регламентации его деятельности и контроле за качеством);

- смешанной модели (сочетает несколько договорных видов из числа перечисленных выше);

- модели sui generis (данная модель обосновывает особый тип договорного регулирования, используемого в отношениях с участием агрегаторов торговли (выполнения работ или оказания услуг))» [2].

Общего регулирования их ответственности законодательство в настоящее время не предусматривает, регулятивная структура безусловно отвечает за собственные предоставляемые услуги, но доля ее ответственности за действия сторон, экономические взаимодействия которых она опосредует, определяется диспозитивно, как правило, условиями деятельности регулятивной структуры, к которым присоединяются ее клиенты. Однако существует важное исключение в области экономического взаимодействия не между фирмами (B2B рынок), а между фирмами и частными потребителями, домохозяйствами (B2C рынок): Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»» внес понятие «владельца агрегатора» и установил его ответственность, подчеркнув при этом, что, если информация от поставщика была размещена в неизменном виде, то за предоставленную информацию отвечает не агрегатор, а поставщик. Однако в постановлении

Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» занята несколько иная правовая позиция: в п. 18 этого Постановления указано: «Лицо, к которому обращается клиент для заключения договора перевозки пассажиров и багажа, отвечает перед пассажиром за причиненный в процессе перевозки вред, если оно заключило договор перевозки от своего имени либо из обстоятельств заключения договора (например, рекламные вывески, информация на сайте в сети «Интернет», переписка сторон при заключении договора и т.п.) у добросовестного гражданина-потребителя могло сложиться мнение, что договор перевозки заключается непосредственно с этим лицом, а фактический перевозчик является его работником либо третьим лицом, привлеченным к исполнению обязательств по перевозке». Согласно данной правовой логике, в отношениях с потребителями институт контрактации (в данном случае, как правило, интернет-агрегатор) несет самостоятельную ответственность, если у потребителя создается впечатление, что договор заключен непосредственно с посредником. Данная логика особенно очевидна, если клиент не имеет возможности самостоятельно сравнить качество предлагаемых агрегатором поставщиков благ и выбрать одного из них, а пользуется выборм агрегатора (как это происходит, в частности, в агрегаторах таксопарков).

Информационная интеграция единого пространства контрактации решает проблемы с поиском оптимальных партнеров, резко снижая соответствующие трансакционные издержки. Однако для снижения трансакционных издержек, связанных с защитой от оппортунизма, необходимо дополнение информационных мер организационно-управленческими,
нацеленными на защиту контрактов, включая соответствующие изменения нормативно-правового регулирования.

Основными направлениями развития организационно-управленческого обеспечения единого пространства контрактации в условиях цифровой экономики являются: внедрение и регламентация автоматизированных контрактов (смарт-контрактов и рикардианских контрактов) и создание инфраструктуры подтверждения выполнения контрактов, в т.ч. на основе развития системы прослеживаемости товародвижения и развития интернета вещей.

Смарт-контракт был определен автором данной концепции Ником Сабо как «компьютеризированный протокол транзакций, выполняющий условия контракта», направленный на «удовлетворение общих договорных условий...минимизацию их нарушений, как злонамеренных, так и случайных, сокращение посредников, а также снижение потерь от других транзакционных издержек» [3].

Для срабатывания рикардианского или смарт-контракта необходимо поступление в информационную систему данных о выполнении установленных контрактом условий: выполнении работы, оказании услуги и т.д.

Для этого, во-первых, используется токенизация – создание цифровых эквивалентов реальных активов, удостоверяющих права на них. В настоящее время согласно федеральному закону №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 года определены только цифровые финансовые активы, но в ст. 1 п.6 подчеркивается, что «В информационных системах, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, также может осуществляться выпуск цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права», однако понятие «иных цифровых прав» пока детально не регламентировано. В мировой практике токенизация активов широко распространяется, в первую очередь, по отношению к массовым, стандартизированным товарам, таким, как полезные ископаемые.

Вторым средством удостоверения о выполнении смарт-контракта является прослеживаемость реальных активов. Она может быть реализована с помощью «интернета вещей», включая смарт-метки на единицах товара, для чего требуется развитие соответствующих стандартов. При этом комплексность вопроса регулирования цифровой контрактации требует образования межотраслевого совета из нескольких технических комитетов по стандартизации, как в области прослеживаемости, интернета вещей, криптографии, так и в области менеджмента качества, торговли, деловой репутации, для разработки и принятия единого комплекса стандартов. В настоящее время уже реализуется проект по маркировке целого ряда товарных категорий в национальной системе «Честный знак» [4] (оператором системы является ЦРПТ [5]).

Смарт-контракт полностью функционирует в среде распределенного реестра (блокчейн), где информация о факте, вызывающим последствия (скажем, факте поставке токена – цифрового

эквивалента реального товара) одновременно становится известна всем участникам криптографически защищенной сети и вызывает одновременную автоматическую обратную трансакцию – платеж. Поэтому смарт-контракт в узком и полном смысле слова может существовать только в том случае, когда криптографически защищенные цифровые деньги (криптовалюты) являются легитимным средством платежа в данной юрисдикции. По мнению С. Мерфи и К. Купера [6], однако, смарт-контракт – это диффузное понятие, охватывающее целый спектр явлений: от программных договоров, фиксирующих лишь факт исполнения контракта, с последующей его оплатой традиционным образом, до полностью цифровых контрактов с самоисполняющейся оплатой [9].

В настоящее время в России с 1 января 2021 года запрещено использование цифровых валют в качестве средство платежа, согласно федеральному закону №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 года. Поэтому на первом этапе возможно создание особой инфраструктуры исполнения смарт-контрактов на основе принципа резервирования средств на счету посредника до исполнения контракта (эксроу-контракт, по такому принципу уже работает целый ряд цифровых платформ), или же использования банковских эскроу-счетов. На втором этапе, после планируемого Банком России создания «цифрового рубля», можно будет реализовать полноценные смарт-контракты. [10]

Однако, с позиции снижения рисков оппортунизма в контрактных отношениях, любой смарт-контракт обладает важным преимуществом: гарантированностью исполнения (guaranteed performance), отличающейся от традиционной возможности принудительного исполнения (enforceability), обеспеченной государственным принуждением, отсутствием как задержек в выполнении оплаты, так и риска предпринимать для этого дополнительные действия, влекущие за собой издержки – например, обращение в суд. Гарантированность исполнения смарт-контракта в случае полноценного смарт-контракта обеспечивается автоматическим переводом цифровой валюты, а в случае частичного смарт-контракта – резервированием средств с помощью эскроу-контракта с цифровым посредником или эксроу-счета в банке.

Основным отличием рикардианского контракта от смарт-контракта является самоисполняемость смарт-контракта и его исключительная ориентированность на существование в «цифровой» среде контрактации, в машиночитаемом исполнении, в то время как рикардианский контракт составляется на языке, одновременном человекочитаемом и машиночитаемом, обладает юридической силой и не обязательно является самоисполняющимся (в таком случае он называется рикардианским смарт-контрактом), а может требовать исполнения, как обычный контракт.

Внедрение «рикардианского контракта» возможно в ряде вариантов. Во-первых, блокированием средств до выполнения контракта на счету посредника или иными формами гарантий, включая банковские. Во-вторых, в случае сложных, долгосрочных контрактов целесообразно создание специальной структуры третейских судов в рамках цифровой платформы для ускоренного разбора результатов рикардианских контрактов в арбитраже. Согласно действующему законодательству (Федеральный закон от 29.12.2015 №382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" [7]) для этого существуют определенные процедуры.

В настоящее время создана и действует Коллегия Арбитражного центра при РСПП по спорам в сфере цифровой экономики. К ее компетенции отнесено:

«1. К компетенции Коллегии по спорам в сфере цифровой экономики относятся:

1) споры, связанные с выпуском, учетом и обращением цифровых активов, удостоверяющих имущественные права;

2) споры, связанные с фиксацией имущественных прав путем внесения записей в информационные системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на основе распределенного реестра (блокчейна);

3) споры, возникающие из сделок, предполагающих автоматическое исполнение (самоисполняемые сделки, смарт-контракты), в том числе с использованием информационных систем на основе распределенного реестра (блокчейна);

4) споры, возникающие из сделок, совершенных с использованием и (или) в отношении цифровых активов (включая токены, криптовалюты и цифровые знаки);

…9) споры, связанные с применением технологии распределенного реестра, искусственного интеллекта, нейротехнологий, квантовых технологий, промышленного

интернета, технологий беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальностей, а также иные споры, связанные с созданием, оборотом и использованием цифровых технологий» (приложение 5 к Положению об Арбитражном центре при РСПП [8]).

Однако в Федеральный закон от 29.12.2015 №382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" предлагается внести нормы об автоматизированном разбирательстве рикардианских контрактов с выдачей соответствующих арбитражных решений для внесудебного исполнения или же взыскания в случае неисполнения.

В целом рассмотрение существующего правового регулирования деятельности цифровых платформ по обеспечению контрактации показывает, что специальное правовое регулирование, учитывающие такие современные технологии, как блокчейн, смарт-контракты и рикардианские контракты, не выработано. Законодательством учтены лишь некоторые аспекты взаимодействия интернет-агрегаторов и потребителей, подпадающих под регулирование Федерального закона «О защите прав потребителей». Поэтому в настоящее время необходимо пользоваться уже имеющимися механизмами и инструментами, такими, как договора и счета эскроу, третейские суды, для регулирования деятельности цифровых платформ. Однако в дальнейшем целесообразна разработка специального регулирования. iea

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Crawford S.E.S., Ostrom E. A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 3. P. 582-600.
2. Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5
3. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // fon.hum.uva.nl [Электронный ресурс] URL: Режим доступа: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/
4. Честный знак // честныйзнак.рф [Электронный ресурс] URL: https://честныйзнак.рф/
5. Центр развития перспективных технологий // crpt.ru [Электронный ресурс] URL: https://crpt.ru/
6. Murphy, S. and Cooper C., Can Smart Contracts Be Legally Binding Contracts?, white paper, R3cev and Norton Rose Fulbright, 2016 // nortonrosefulbright.com [Электронный ресурс] URL: www.nortonrosefulbright.com/knowledge/
7. Федеральный закон от 29.12.2015 №382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2016. - №1 (часть I), ст. 2.
8. Положение об Арбитражном центре при РСПП // arbitration-rspp.ru [Электронный ресурс] URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/
9. Евгеньев Р.А. Пути решения проблем внедрения искусственного интеллекта для аудита и бухучёта с помощью технологии блокчейн // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 2. (48) С. 1
10. Гарин А.В., Балванович А.В., Злыднев М.И., Ниязова Ю.М. Снижение информационной асимметрии функционирования продуктовых цифровых платформ за счет интеграции адаптированной информации о стандартах качества // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 6. (52). С. 84-89

REGULATION OF THE ACTIVITIES OF DIGITAL PLATFORMS TO ENSURE CONTRACTING

Zlydnev Mikhail Ivanovich, Ph.D. in Economics, applicant, Federal State Unitary Enterprise "Russian Scientific and Technical Information Center for Standardization, Metrology and Conformity Assessment" (Federal State Unitary Enterprise "STANDARTINFORM")

The paper deals with the problems of regulating the activities of digital platforms to ensure contracting. Identified informational and administrative forms of providing contracts. Analyzed the modern legal regulation of digital platforms and the prospects for its development. The author notes that the information integration of a single contracting space solves the problem of finding optimal partners, sharply reducing the corresponding transaction costs. However, in order to reduce the transaction costs associated with protection against opportunism, it is necessary to supplement information measures with organizational and managerial measures aimed at protecting contracts, including the corresponding changes in legal regulation. It is concluded that no special legal

regulation has been developed that takes into account such modern technologies as blockchain, smart contracts and Ricardian contracts.

Keywords: internet platform, blockchain, smart contract, institute.

REFERENCES:

1. Crawford S.E.S., Ostrom E. A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 3. P. 582-600.
2. Ivanov A.A. Biznes-agregatory i pravo [*Business aggregators and law*] // Zakon. 2017. № 5
3. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // fon.hum.uva.nl [Electronic resource] URL: Rezhim dostupa: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/
4. Chestnyy znak [*Honest sign*] // chestnyyznak.rf [Electronic resource] URL: https://chestnyyznak.rf/
5. Tsentr razvitiya perspektivnykh tekhnologiy [*Center for the Development of Advanced Technologies*] // crpt.ru [Electronic resource] URL: https://crpt.ru/
6. Murphy, S. and Cooper C., Can Smart Contracts Be Legally Binding Contracts?, white paper, R3cev and Norton Rose Fulbright, 2016 // nortonrosefulbright.com [Electronic resource] URL: www.nortonrosefulbright.com/knowledge/
7. Federal'nyy zakon ot 29.12.2015 №382-FZ "Ob arbitrazhe (treteyskom razbiratel'stve) v Rossiyskoy Federatsii" [*Federal Law of December 29, 2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation"*] // SZ RF. – 2016. - №1 (chast' I), st. 2.
8. Polozheniye ob Arbitrazhnom tsentre pri RSPP [*Regulations on the Arbitration Center at the RUIE*] // arbitration-rspp.ru [Electronic resource] URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/
9. Yevgen'yev R.A. Puti resheniya problem vnedreniya iskusstvennogo intellekta dlya audita i bukhuchota s pomoshch'yu tekhnologii blokcheyn [*Ways of solving the problems of introducing artificial intelligence for audit and accounting using blockchain technology*] // Informatsionno-ekonomicheskiye aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya [*Information and economic aspects of standardization and technical regulation*]. 2019. № 2. (48) p. 1
10. Garin A.V., Balvanovich A.V., Zlydnev M.I., Niyazova YU.M. Snizheniye informatsionnoy asimmetrii funktsionirovaniya produktovykh tsifrovykh platform za schet integratsii adaptirovannoy informatsii o standartakh kachestva [*Reducing information asymmetry in the functioning of digital product platforms through the integration of adapted information about quality standards*] // Informatsionno-ekonomicheskiye aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya [*Information and economic aspects of standardization and technical regulation*]. 2019. № 6. (52). pp. 84-89